

ЗАРУБЕЖНЫЙ
ЖЕНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Сокровища Марии-Антуанетты

Зверь внутри меня

Искушение Евы

Ясновидящая

*НОРА
РОБЕРТС*

ЯСНОВИДЯЩАЯ

МОСКВА
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
P58

Nora Roberts
CAROLINA MOON

Copyright © Nora Roberts, 2000. This edition published by
arrangement with Writers House and Synopsis Literary Agency.

*Ранее книга выходила под названием
«Луна над Каролиной»*

Перевод с английского *М. Павловой*

Художественное оформление *С. Курбатова*

Робертс, Нора.

P58 Ясновидящая / Нора Робертс ; [пер. с англ.
М. Павловой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 544 с. —
(Зарубежный женский детектив).

ISBN 978-5-699-82101-3

Как давно Виктория Боден не сидела на крыльце, глядя, как в небе загораются звезды! Приятно снова ощутить старые скрипучие доски родительского дома босыми ногами. Восемнадцать лет назад она сбежала отсюда. Хрупкая девушка с кроткими серыми глазами однажды ночью «увидела во сне» трагическую смерть лучшей подруги и не смогла справиться с потрясением, когда наутро полицейские обнаружили ее тело. Тогда бабушка рассказала Виктории, что все женщины в их роду обладают чудесным даром ясновидения. Чудо это или проклятие? Чью тень она разглядела у тела подруги? Как отомстить за ее смерть? С тех пор вопросы сыпались на Викторию со всех сторон. Она вернулась, чтобы найти на них ответы...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Павлова М., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-82101-3

Часть I

ТОРИ

Не властно над тобою
 бремя лет.
Краса твоя нежна,
 как в утро жизни.
Уильям Шекспир

1

Она снова перевоплотилась в тело мертвой подруги. Девочке тогда исполнилось восемь лет. Она была высока для своего возраста, тонкая в кости и с тонкими же чертами лица. Шелковистые волосы напоминали цветом пшеницу и красивой волной ниспадали на узенькую спину. Каждый вечер мама любовно расчесывала их. Сто прикосновений мягкой щетки в серебряной оправе, которую она брала с изящного туалетного столика вишневого дерева.

Она хорошо помнила каждое прикосновение и при этом воображала себя кошкой, которую ласково поглаживают по голове. И помнила, как свет преломлялся на перламутровой шкатулке для заколок, в хрустале флаконов и как прыгали зайчики, отраженные серебряной оправой щетки.

Она вспомнила, как пахло в комнате, аромат

гардении, которому мама отдавала предпочтение, словно бы витал в воздухе до сих пор.

А в зеркале, при мягком свете лампы, она могла видеть овал лица, такого хорошенького, — задумчивые голубые глаза и гладкая нежная кожа. Лицо, полное жизни.

Звали ее Хоуп¹.

Окна и французские двери были закрыты, потому что стояло знойное лето. Жара давила своими влажными пальцами на стекла, однако в доме было прохладно, и накрахмаленная ночная рубашка шуршала при каждом движении. А ей хотелось окунуться в жару, хотелось приключений, но она таила эти желания в себе и поцеловала маму, пожелав ей спокойной ночи. Легонько клюнула в душистую щеку.

Мама распорядилась снять дорожки с пола и отнести их на чердак, как это делали всегда в июне. Девочка босыми подошвами чувствовала, как гладки сосновые навощенные половицы, когда осторожно прошла через холл с панелями из кипариса и картинами в потускневших золотых рамах. Она поднялась по витой лестнице в кабинет отца.

Здесь привычно пахло табачным дымом, кожей кресел и виски «Бурбон». Девочке нравился кабинет с его закругленными стенами, тяжелыми, массивными стульями, обитыми кожей цвета портвейна, который папа пил иногда после

¹ Норе — «надежда» (англ.). (Здесь и далее примеч. перев.)

ужина. Закруглявшиеся вдоль стен полки были забиты книгами и разными ценными диковинками. Она любила человека, сидевшего за огромным столом с сигарой во рту, со стаканом в руке, склонившегося над счетами.

В ее любви к нему было что-то женское, нечто томительное и ревнивое при всей незамутненности и полноте чувств. У него был раскатистый голос, сильные руки и мускулистая грудь. И объятие его было совсем иное, чем нежный и сдержанный мамин поцелуй.

— Вот и моя принцесса, которая отправляется в царство грез.

— А что мне приснится, папа?

— Рыцари, белые кони и морские дали.

Девочка, услышав привычный ответ, хихикнула, но ее голова на его плече задержалась дольше, чем обычно. Неужели она предчувствовала, что больше никогда не будет вот так, в безопасности, сидеть на его коленях? А потом она спустилась по лестнице и прошла мимо комнаты Кейда. Брат еще не спит. Ему еще не время ложиться, потому что он на четыре года старше ее и он мальчик, поэтому долго не спит летними вечерами и смотрит телевизор или читает, сколько ему заблагорассудится.

Однажды Кейд станет хозяином усадьбы «Прекрасные грезы» и займет место отца в круглом кабинете за большим столом. Он займется повседневными делами и будет следить за полевыми работами, ждать урожая и жаловаться на

правительство и низкие цены на хлопок. Потому что он — сын. И Хоуп этому очень рада. Ей не хотелось бы самой сидеть за столом и складывать цифры.

Она замешкалась у двери сестры. Всегда с Фэйф¹ что-нибудь неладно. Лайла, экономка, говорит, что Фэйф способна перечить даже госпо-ду богу, только бы рассердить его. Да, это, наверное, правда, и хотя они с Фэйф близнецы, Хоуп не понимала, почему сестра все время злится. Как раз сегодня Фэйф велели уйти из-за стола, не дожидаясь десерта, потому что она дерзила. Дверь ее комнаты плотно закрыта, внизу не видно полосы света. И Хоуп представила, как Фэйф лежит, глядя в потолок, а руки у нее сжаты в кулаки, словно она приготовилась боксировать с призраками.

Хоуп дотронулась до ручки двери. В большинстве случаев ей удавалось развеять мрачное настроение Фэйф. Она обычно ложилась к ней в постель и рассказывала разные смешные истории, пока сестра не начинала смеяться и слезинки в уголках глаз не высохали.

Однако сегодняшний вечер предназначен для другого. Сегодня ее ожидали приключения. Хоуп все давно спланировала и, очутившись в своей комнате, занялась приготовлениями к ним. Она погасила свет и стала переодеваться в темноте, посеребренной луной, едва сдерживая возбужде-

¹ Faith — «вера» (англ.).

ние. Вместо ночной рубашки она надела шорты и футболку. Сердце часто билось в груди, пока она укладывала подушки так, чтобы они напоминали спящую фигуру. Потом достала из-под кровати свои припасы. В плетеной корзине для пикников лежала бутылка с тепловатой кока-колой, пакетик печенья, которое она утащила из кухни, небольшой перочинный ножик, спички, компас, водяной, полностью заряженный пистолет и красный пластмассовый карманный фонарик.

Она посидела немного на полу, словно бы собираясь с духом. До нее едва слышно доносились звуки музыки из маминой гостиной. Поднимая оконную раму, Хоуп улыбнулась. Юная, ловкая, полная предвкушений, она перекинула ногу через подоконник и нащупала большим пальцем опору в буйных зарослях плюща. Влажный, сладкий от аромата цветов воздух наполнил легкие, пока она спускалась вниз. Ветка впилась в подошву, и она зашипела от боли, но продолжала спускаться, напряженно глядя на освещенные окна первого этажа. «Я промелькну, словно тень, — подумала Хоуп, — и никто меня не увидит».

Она — Хоуп Лэвелл, девочка-шпионка, и у нее назначена встреча с ее связной ровно в десять тридцать пять.

Хоуп подавила смешок, едва не задохнувшись от переполнявшего ее веселья, и в тот же момент коснулась ногой земли.

Ее волнение еще больше возросло, когда она отпрыгнула в сторону и быстро спряталась за

мощные стволы величественных старых деревьев, осенявших тенью дом, а затем, осторожно выглянув, посмотрела на слабый голубой отсвет, пульсировавший в окне у брата, сидящего перед телевизором. А потом Хоуп взглянула наверх — в комнатах отца и матери окна мягко светились. Родители проводили вечер порознь.

«Если меня сейчас увидят, то задание окончится провалом», — подумала девочка и согнулась в три погибели, пробегая через сад. Любой ценой она должна добраться до места встречи, потому что сейчас судьба всего мира зависит от нее и ее верной подруги.

Женщина, воплотившаяся в девочку, умоляюще вскрикнула: «Вернись! Пожалуйста, вернись!» Но девочка ничего не слышала. Она выкатила из зарослей камелий свой розовый велосипед, положила корзинку в багажник и повела велосипед по густой траве, окаймляющей длинную подъездную дорожку, усыпанную гравием. Дом и огни постепенно отдалились и потускнели.

И тогда она понеслась как ветер, воображая, что ее маленький велосипед — мощный мотоцикл, оснащенный баллоном с нервно-паралитическим газом и скользким от смазки автоматом. Она летела, разрезая густой воздух, а лягушачий хор и стрекот цикад казались ей грозным рыком воображаемого мощного мотоцикла.

На перекрестке Хоуп свернула налево, затем легко спрыгнула на землю и направилась по узкой дорожке к зарослям кустарника, где легко

можно было спрятать велосипед. Хотя луна светила довольно ярко, она вынула из корзинки фонарик. Улыбающаяся с циферблата часов принцесса Лия дала ей знать, что она приехала на пятнадцать минут раньше срока. Бесстрашно, бездумно Хоуп свернула на тропинку, ведущую к болоту, и пошла навстречу концу лета, детства. Жизни.

Мир здесь был полон звуков: шумела вода ручьев, стрекотали насекомые. Свет фонарика терялся в чаще шелковичных деревьев и кипарисов, с которых клочьями свисал мох. Цветы магнолии источали пряный, сладкий аромат. Путь к тайному месту их встреч был хорошо знаком, и она уверенно двигалась по просеке вперед.

Она пришла первой и поэтому, взяв сухих веточек и прутиков из заранее приготовленной кучки, принялась разжигать огонь. Дым отогнал комаров, и она стала ждать подругу с бутылкой колы и печеньем.

Шло время, и глаза у нее стали слипаться под убаюкивающую музыку болот. Огонь проглотил прутья и угомонился, тихонько шипя. Поддаваясь дремоте, она положила голову на колени, подтянутые к подбородку.

Сначала какие-то неясные звуки были частью сна, а снилось ей, как она петляет по улицам Парижа, чтобы избежать встречи с коварным русским шпионом, но, когда под чьей-то ногой хрустнул сучок, она рывком подняла голову, и сон отлетел, словно его и не бывало.

— Пароль!

На болоте воцарилось молчание, если не считать монотонного жужжания насекомых и слабого потрескивания умирающего огня.

Хоуп поднялась на ноги и нацелилась на кусты фонариком, словно револьвером.

— Пароль! — крикнула она снова.

Но теперь шорох раздался сзади. Девочка круто обернулась, сердце у нее подпрыгнуло, и лучик фонарика нервно заплясал на кустах. Страх, который так редко ей приходилось чувствовать за короткие восемь лет, обжег горло.

— Выходи, перестань прятаться. Ты меня не испугаешь.

Теперь раздался звук слева, словно кто-то насмешливо хмыкнул. В животе девочки змеиным клубком шевельнулся страх, и она отступила назад. И услышала совсем рядом смех, тихий, хриплый.

Она бросилась бежать сквозь тени, а зловещий фонарик прыгал в руке. Ужас душил крики в горле. Кто-то, шумно дыша, бежал за ней. Быстро, очень быстро и уже очень близко. Потом ее что-то ударило сзади. Боль пронзила спину, и девочка упала. Рыдание вырвалось из ее груди. Тяжесть его тела пригвоздила ее к земле. Она почувствовала запах пота и виски.

Теперь Хоуп закричала, долгим отчаянным криком звала подругу:

— Тори! Тори, на помощь!

И женщина, плененная в теле мертвого ребенка, разрыдалась.

Очнувшись, Тори увидела, что лежит на вымощенном каменной плиткой полу внутреннего дворика, а на ней лишь ночная рубашка, уже промокшая под весенним дождем. Лицо у нее тоже было мокрым от слез. Крики отдавались эхом у нее в голове, и Тори никак не могла понять, кто кричит — она сама или испуганная до смерти девочка, которую она не может забыть.

Тори перекатилась на спину, подставив дождю лицо, чтобы он охладил пылающие щеки и смыл слезы. Такие видения лишали ее сил, оставляли с ощущением, что ее сейчас стошнит. Раньше она умела преодолевать наваждения, иначе приходилось испытывать жгучую боль от ударов отцовского ремня.

— Я из тебя изгоню дьявола, девчонка!

Ханнибалу Бодену дьявол чудился повсюду. В каждом поступке и соблазне он видел руку сатаны. И старался изо всех сил, чтобы изгнать эту дьявольскую скверну из своего единственного ребенка.

Чувствуя боль в животе и тошноту, Тори почти пожалела, что ему это не удалось. Ее удивляло, что в течение нескольких лет она словно лелеяла в себе эту странность, пыталась уяснить, что это такое, даже радовалась ей. «Это наследие предков, — говорила ей бабушка. — Особенный дар, передающийся кровным путем».

Но еще была Хоуп. И чем дальше, тем она вспоминалась все чаще, и эти воспоминания о подруге детства жгли сердце. И пугали. То, что

случилось с Хоуп, постоянно преследовало ее. И она давала себе обещание, что не допустит вновь этих перевоплощений, которые изнуряли ее, лишали сил. Однако вот она лежит распростертая на каменном полу патио, под дождем, не имея ни малейшего представления, как очутилась тут. Она была в кухне, где горел свет и играла музыка, заваривала чай и одновременно читала письмо от бабушки. Оно и подействовало как спусковой крючок, поняла Тори, медленно поднимаясь на ноги. Бабушка связывала ее с детством. С Хоуп. С перевоплощением в Хоуп, подумала Тори, закрывая дверь во внутренний дворик. В воплощенные боль, страх и кошмар той ужасной ночи. И до сих пор она не знала, кто это сделал и почему.

Все еще дрожа, Тори вошла в ванную, разделась, включила горячий душ и стала под струю.

— Я не могу помочь тебе, — прошептала она, закрывая глаза, — не смогла тогда, не могу помочь и теперь.

Ее лучшая подружка, сестра ее души, погибла в ту ночь в болотах, а она сама, запертая на ключ в своей комнате, рыдала после очередной порки. А она ведь знала, она все видела как наяву. И ничего не могла сделать. Была беспомощна. И ее затопило чувство вины, такое же острое, как восемнадцать лет назад.

— Я не могу ничем тебе помочь, — повторила Тори. — Но никогда тебя не забуду.

Воспоминания нахлынули на нее, унесли в то лето, когда им было по восемь лет. В то давнее

знойное лето, которое, казалось, никогда не кончится. То было беззаботное лето их невинных забав и дружбы — сочетание, которое накидывает на мир вокруг розовый покров. Но однажды ночью все изменилось.

Тори перенеслась на много лет назад, почувствовала себя маленькой девочкой.

Хоуп была моим лучшим другом. Наша взаимная привязанность была глубока, непосредственна и пылка — на такую способны только дети. Полагаю, мы казались странной парой: блестящая, богатая Хоуп Лэвелл и смуглая, застенчивая Тори Боден. Мой отец арендовал небольшой земельный участок, уголок огромной плантации, которой владели Лэвеллы. Когда мать Хоуп давала большой обед или устраивала изысканную вечеринку, моя помогала с уборкой и обслуживанием гостей. Однако разница в социальном и классовом положении никогда не омрачала нашей дружбы. Мы их просто не замечали. Да, Хоуп жила в богатом доме, более похожем на замок, чем на обычный особняк в георгианском стиле, столь популярном в свое время, — так заблагорассудилось одному из ее эксцентричных предков. Дом был каменный, с башнями и бойницами и широкими площадками, предназначенными, наверно, для схваток с врагами, на случай, если они ворвутся. Но в самой Хоуп не было ничего от принцессы.